

Опубликовано в следующем источнике:

Социальная миссия журналистики: реалии и прогнозы: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. / сост., отв. ред. О.В. Третьякова. Архангельск, 2014. С. 92–99.

В.С. Варакин (г. Архангельск)

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Человеческая культура есть совокупность историй о самой себе. И журналистике как «агенту культуры» принадлежит важная – если не главная – роль в их рассказывании. Более того – в организации процедуры рассказывания. Журналистику можно назвать социальной системой **сторителлинга** (от англ. *story* – «история», *to tell* – «рассказывать»). Она рассказывает истории об обществе, основываясь на том, что общество рассказало ей. Именно так, через журналистские истории, репрезентируемые в средствах массовой информации, воссоздается и осмысливается социальная действительность. Именно так общество понимает себя.

Впрочем, сначала надо вспомнить корпоративную культуру. Трансляция ценностей корпоративной культуры через «подробные рассказы о прошлых действиях руководства, взаимодействиях сотрудников или о каких-то событиях, которые обычно передаются в организации неофициально», – вот изначальная идея сторителлинга [1]. Идея, которую закладывал в сторителлинг его изобретатель Дэвид Армстронг, глава «Armstrong International» – британской компании по подбору менеджеров высшего звена. Поэтому с середины 1990-х гг. сторителлинг развивался прежде всего как *метод или техника эффективного управления персоналом организации* [2], [3], [4].

Подчеркнем: в сфере менеджмента сторителлинг всегда рассматривался в **деятельностном аспекте**. То есть в качестве *своеобразного инструмента общения с людьми и вовлечения их в какое-либо дело*. Значение сторителлинга и его прикладная направленность сегодня учитываются в маркетинговых коммуникациях – например, в рекламе и PR [5], [3]. Ведь легче всего закрепить в сознании потребителя образ товара, бренда или идеи как ценность, если *выстроить данный образ нарративно* (от лат. *narrare* – «языковой акт»). Тогда аудитория как бы «солжет себе» и присвоит сообщаемую ценность, прагматизирует ее. Технику «рассказывания историй» используют, кроме того, в педагогике, психологии, медицине. Причем организуется воздействие в первую очередь *на основе форм обратной связи*. В медицине, допустим, разработан подход – нарративная психотерапия (его авторы – австралийские психотерапевты Майкл Уайт и Дэвид Эпстон). В широком смысле это беседа, «в процессе которой люди перерассказывают, то есть рассказывают по иному истории своей жизни» [6]. Неудивительно, что сторителлинг стал ключевой методикой в концепции нейролингвистического программирования.

В искусстве же деятельностное измерение сторителлинга получило дополнительный акцент. (Нас интересуют, конечно, вербальные художественно-эстетические коммуникации). Если литература, прежде всего сценарная драматургия, опирается на *технологическую парадигму* [7], [8], то театр – на *жанровую*. Сторителлинг определяется как *разговорный жанр*, используемый «в европейском театре не только на сцене, но и за ее пределами» [9]. Иначе говоря, это «актерский пересказ, спектакль, рождающийся из слова, без сложных декораций и внешних средств воздействия, вроде световой партитуры, видео и т.д.» [10]. В России данный жанр развивает, в частности, «Мастерская сторителлинга» – «саморазвивающееся сообщество рассказчиков историй» (актеров, драматургов, театроведов, психологов), которым руководит режиссер Елена Новикова. «Мастерская» работает в Москве в Центре имени Мейерхольда как «институт современного театра и творческая лаборатория для тех, кто изучает и развивает театр как искусство и общественный институт» [11].

Деятельностный подход к определению журналистики позволяет говорить о сторителлинге не просто как о *технологии предъявления социального знания (или информации) в тексте*. С позиции Олега Самарцева, профессора Ульяновского государственного университета, сторителлинг – это *особый генеральный жанр или стиль «письма»*, называемый западными исследователями «*features writing*». В отличие от стиля или жанра «перевернутая пирамида», называемого «*news writing*», он необходим не для изложения-констатации фактов. Он необходим для *раскрытия драматических событий общественной жизни, оформленных в качестве историй* [12, с. 290–293, 412–414]. Журналистский сторителлинг нацелен *захватить воображение адресата, высвободить его эмоции*, а этого нельзя добиться «перевернутой пирамидой». *Нарративный журналистский текст имеет сугубо личностное – авторское – наполнение*. А стало быть, производит его не новостная журналистика, а *публицистическая*, или, в терминологии О.Р. Самарцева, *нарративная* [12, с. 292].

В маркетинге (да, собственно, и в PR, и в театре) сторителлинг – тоже исключительно личностное дело. И здесь не важно, каков предмет выступления сторителлера. Главное – чтобы предмет для сторителлера был важный. Ведь «волшебство влияния» состоит «не в том, что мы говорим, а в том *как* мы говорим, а также в том, что мы сами собой представляем» [13, с. 14, 15]. Хотя в журналистике не всякое событие или ситуацию можно представить с помощью сторителлинга, очевидно следующее.

Если сторителлинг – это искусство рассказывания историй, то журналистика – это искусство сторителлинга. Тут нет противоречия. Репрезентировать – значит рассказывать, а рассказывать – значит выстраивать «*стратегию притяжения*» к предмету (термин Аннет Симмонс, американского консультанта по коммуникациям [13, с. 20]). В плоскости данной стратегии журналист и работает, а она как раз позволяет влиять на адресата. Вопрос и правда в том, как влиять. То есть как, по выражению американского

журналиста Джеффа Джарвиса, помочь обществу «организовывать свои знания, чтобы общество могло лучше организовать себя» [14]. Журналист репрезентирует социальные факты, тем самым обеспечивая взаимопонимание в обществе, – в этом смысл журналистского сторителлинга. Как *коммуникативного инструмента*. **Системный подход к определению журналистики** проясняет данный момент.

С позиции **социального конструкционизма** [15, с. 18]. [16, с. 46–47, 107–118], журналистика дискурсивно моделирует социальную действительность, *выстраивая нарративы*, или, другими словами, *рассказывая фактические истории*. Журналистский сторителлинг, таким образом, представляет собой *инструмент информационного моделирования социальной действительности*. Иначе говоря – инструмент *порождения и репрезентации ее смыслов*.

В традиционном понимании **нарратив** есть текст, описывающий некую последовательность событий и существующий виртуально в качестве их инварианта в дискурсивном сознании общества. Это **форма дискурса**, через которую человек реконструирует и репрезентирует прошлый опыт для себя и для других [17]. Исследователи указывают на такое исходное значение термина «нарратив», как *«история, рассказ, повествование»*. **История** – это устное или письменное описание действительных или выдуманных событий, которые выстроены с помощью сюжета. Она *становится нарративом в процессе повествования или рассказывания* с помощью СМИ [18, с. 38–41].

Вообще, согласно Полю Рикеру, французскому философу, создателю «феноменологической герменевтики», повседневная действительность уже содержит в себе нарративные ресурсы. И они создают эффект переустройства социальной действительности в момент создания повествовательного текста – исторического или художественного нарратива. (Или, добавим, журналистского). Нарратор, то есть рассказчик, лишь переводит «необработанные» истории повседневности на уровень рафинированных исторических или литературных текстов [19, с. 65, 174–176]. И точно таким же переводом занимается журналист. Следовательно, производимые журналистикой смыслы социальных событий необходимо рассматривать как смыслы, *возникшие в контексте рассказывания об этих событиях и неразрывно связанные с их интерпретацией* [20, с. 614]. И поэтому **нарративная история** в журналистике предстает как *конденсированный ряд инструкций и правил по упорядочиванию и конституированию социальной действительности, приданию смысла социальным явлениям и становлению знания*. А эти инструкции и правила включают в себя «то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры» [21]. Можно сказать, что журналистский сторителлинг – это способ создания и распространения мемов.

Рассмотрим такую журналистскую историю.

В интервью корреспондентам журнала «Коммерсантъ-Власть» мэр Москвы С. Собянин заявил, что попытка полиции урегулировать массовые беспорядки в Западном Бирюлево 13 октября не была провалом. Были три

разные истории: «Убийство [местного жителя Егора Щербакова. – **В.В.**] – это одна. Возмущение жителей Бирюлево работой этой овощной базы и большим количеством мигрантов – вторая история. Выход националистов и погромы – третья». В общем, массовые беспорядки – как «нештатная ситуация» для правоохранительных органов – оказались синергией трех факторов [22].

Заметим, однако (Собянин, к слову, тоже замечает): события того октябрьского воскресенья сами по себе – *история*. И ключевой ее *персонаж*, по мнению В. Маркина, руководителя управления взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ, – О. Зейналов, подозреваемый в убийстве Е. Щербакова гражданин Азербайджана. «...Для нас подобные персонажи не редкость, – объяснял Маркин нежелание Зейналова *рассказать историю* конфликта с Щербаковым. – Им всем хватает запаса знаний русского языка для того, чтобы жить в России, свободно передвигаться по ее территории, решать все свои личные вопросы. Но как только приходится отвечать за свои поступки такие персонажи, как правило, резко забывают язык страны, которую они выбрали для своего благополучного проживания» [23].

Вольно или невольно, но «представитель Следственного комитета» (таков статус Маркина в СМИ – по определению журналистов) подчеркнул *архетипичность* не только персонажа – самой истории. Согласно Роберту Макки, американскому теледраматургу и преподавателю сценарного мастерства, *архетипическая история* раскрывает всегда «универсальный опыт человека посредством уникальных средств выражения, соответствующих определенной культуре». Тем самым она противопоставлена *стереотипной истории* – скудной по содержанию и форме, не выходящей «за узкие рамки отдельных представлений» и лишенной своеобразия [7, с. 10]. Саркастическая (эпитет, кстати, тоже дан журналистами) дефиниция Маркина – не что иное, как намерение официальной власти представить архетип стереотипом. Причем намерение заведомо провальное. Ведь сама власть, организовав «охоту» на «исчезнувшего» Зейналова, с помощью выразительных медийных ресурсов превратила бытовое убийство как историю-стереотип в историю-архетип – ЧП международного масштаба. В мем или меседж, сравнимый, допустим, с продолжающейся уже более двух лет гражданской войной в Сирии. И точно так же В. Маркин и еще министр внутренних дел В. Колокольцев, персонифицировавшие в СМИ российскую федеральную власть, оказались *архетипическими персонажами* бирюлевской истории. То есть мемами, меседжами, растиражированными в масс-медиа. Ведь стал же посланием папа Франциск I. В средствах массовой информации (и благодаря им – в общественном сознании) личность понтифика заслоняет «саму суть его папского послания» [24]. В терминологии Поля Рикера это называется «повествовательной идентичностью» – сочетанием «самости» и «того же самого» [25].

Очевидно, что *сюжет* бирюлевской истории вписан в *нарратив* незащитности человека в России перед государственной пропагандой, органами правопорядка и обывательским сознанием. «И главный вывод из всей

истории один: никто в нашем государстве никак не защищен», – так, например, сформулировал российский журналист и режиссер П. Бардин, комментируя погромы на юге Москвы [26]. Указанный нарратив на тему «Бытовой конфликт на национальной почве, не разрешаемый официальной властью» включает в себя и *сюжет* беспорядков на Манежной площади, развернувшихся в Москве в декабре 2010 года. А кроме того, *сюжеты* событий в Кондопоге (Республика Карелия, сентябрь 2006 года) и Пугачеве (Саратовская область, июль 2013 года). Стало быть, к тому, что «на войне как на войне, и скрывать свои чувства больше не надо, привыкли все сильнее не только жители Кондопоги, Пугачева, Сагры и Ставрополя, но и москвичи, которые у себя, у метро «Водный стадион» и в Бирюлево, и так были уверены, что живут в прифронтовой полосе» [27].

Провал московской полиции в охране общественной безопасности 13 октября – это история, которую рассказала журналистам сама полиция, не понимая, что это провал. И это история, которую рассказали участники «народного схода», не думая о каком-то провале. Но на основе произведенных журналистикой интерпретаций был выстроен именно нарратив провала.

Ясно, что вне зависимости от того, сообщат или не сообщат о каком-либо событии в СМИ, данное событие остается тем же самым. Как переживание некоего «социального автора». Но свое существование и осмысление этот случай из общественной жизни обретает только после того, как его историю расскажет журналистика. То есть сделает его коллективным переживанием.

Российский журналист Максим Трудолюбов заметил: «Мы рассказываем и показываем истории о прошлом, а не само прошлое... Вопрос не в том, должны ли мы сказать себе раз и навсегда, что никакой настоящей реальности нет. Вопрос в том, как лучше и убедительнее рассказывать те истории, которые мы рассказываем, неизбежно оставаясь избирательными и пристрастными» [28]. Журналистский сторителлинг, таким образом, оказывается способом информационного моделирования не просто событий, а времени и пространства. А еще – переустройства времени и пространства. «Больше объяснять, чтобы лучше понимать», – провозгласил Поль Рикер. Ведь «понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание» [29]. Обществу нужна журналистика, чтобы объяснить ему то, как оно себя понимает. На основе того, что сама поняла о нем.

Список литературы и примечания:

1. Герасименко О. Сторителлинг – эффективный вариант неформального обучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=6330>.
2. Скворцов А. Сторителлинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mercator.ru/articles/article.php?articleID=58>.
3. Хабурзания Э. Сторителлинг как инструмент PR [Электронный ресурс]. URL: pr-club.com/2010_06/prlib/26.doc.
4. Чугунова А. Обыкновенные истории [Электронный ресурс]. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/53A3975FC2604A48C32570C000319AA6/category.html>.
5. Годин С. Фиолетовая корова: сделайте ваш бизнес выдающимся! / пер. с англ. В. Подейко. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

6. Жорняк Е.С., Савельева Н.В. Нарративная психотерапия [Электронный ресурс]. URL: http://flogiston.ru/articles/therapy/what_is_narrative.
7. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / пер. с англ. Е. Виноградовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
8. Митта А. Кино между адом и раем. М.: ЭКСМО-Пресс, Подкова, 2002.
9. [Б.а.] «Аптекарский огород» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldenmask.ru/spect.php?id=980>.
10. Ганиянц М. Сагу о Зигфриде и Брунгильде представят в ЦИМ в жанре сторителлинга [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/culture/20131009/968661331.htm>.
11. Сахарова Я. Сторителлинг: как научиться интересно рассказывать истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m24.ru/articles/26830>.
12. Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики: Учеб. пособие. М.: Академический проект, 2009.
13. Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй / пер. с англ. А. Анваера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
14. Джарвис Дж. Журналистов не существует [Электронный ресурс] // Buzz Machine. 2013. 30 июня. URL: <http://inosmi.ru/world/20130701/210543415.html>.
15. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
16. Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2010.
17. Шейгал Е.И. Многоликий нарратив [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. (2) 22. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-07.htm>.
18. Sinclair J.B. A story about a message that was a story: message form and its implications to knowledge flow. Helsinki: Hanken School of economics, Department of management and organization; Edita Prima, 2010.
19. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. Т.В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
20. История философии: энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Кн. дом, 2002.
21. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е.А. Мамчур [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2000. № 3. URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm>.
22. Габуев А., Сурначева Е. «Потребовались радикальные решения»: Московский мэр о событиях в Западном Бирюлево [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2013. № 189 (16 окт.). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2320909?isSearch=True>.
23. [Б.а.] Убийство в Бирюлево: Баку требует встречи с Зейналовым [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/10/131016_biryulyovo_suspect_confession.shtml.
24. Артемьев А. Епископ церкви с грязными ногами [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/11/27/popefrancis/>.
25. Рикер П. Повествовательная идентичность [Электронный ресурс] // Рикер П. Труды / пер. с франц. URL: <http://www.bookluck.ru/booktketi.html>.
26. Борзенко А. «Презумпцию невиновности отнимают у целых народов»: Павел Бардин о своем сериале «Салам, Масква!», лозунге «Россия для русских» и погромах в Бирюлево [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Weekend. 2013. № 38 (18 окт.). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2322204>.
27. Дубнов В. Бирюлево. Овощная революция [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20131014/969957027.html>.

28. Трудолюбов М. Призма времени: Как объективно рассказывать о прошлом [Электронный ресурс] // Ведомости. Пятница. 2013. 15 март. URL: http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/10076521/maksim_trudolyubov_prizma_vremeni.

29. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук [Электронный ресурс] // Рикер П. Труды / пер. с франц. URL: <http://www.bookluck.ru/booktketi.html>.